

DOI: 10.15372/HSS20170308
УДК 821.161.1

Л.И. ЖУРОВА

ИСТОРИЯ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В СИБИРСКОМ ЛЕТОПИСНОМ СВОДЕ XVII в.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Сибирский летописный свод предоставляет уникальный материал по истории «жизненного мира», человеческой обыденности в городах, селах и острогах зауральского региона России в XVII в. На основе анализа многочисленных известий «Книги записной», Головинской и Нарышкинской редакций в статье систематизированы основные повседневные практики сибиряков, отражающие бытовые детали в историко-культурном процессе: биографические сведения из жизни воевод, пожары, несчастные случаи, неудачи в поисках полезных ископаемых, торговля, конфликты на границах Сибирского царства, судьбы ссыльных, строительство храмов и др. Видение человека в контексте «духа времени» позволяет определить формы быта историко-культурной общности в XVII в. Особое внимание привлекают факты первичных явлений в бытовой жизни человека в Сибири: появление кружежных дворов, белых клобуков, медных денег, борьба со взятками. Типизация ситуаций дает основание для научной оценки бытовой культуры в сибирских городах. Текстологический анализ выявляет особенности составительской работы летописцев конца XVII в.

Ключевые слова: Сибирский летописный свод, повседневность, воевода, города и остроги, историческая реальность, редакция, известие, текстология.

L.I. ZHUROVA

HISTORY AND EVERYDAY LIFE IN THE SIBERIAN CHRONICLE OF THE XVII CENTURY

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia

Siberian chronicle is the largest cultural monument of book culture of the late XVII century and an important source of Siberian History. The historic plot is composed of information and tidings about towns and "ostrogs" foundation, administration, diplomatic missions, appointments of governors and archbishops, deacons and scribes. It is mixed with real life events, which creates a history of colonized Siberian land. The object of this investigation are three editions of the Siberian chronicle: «Kniga zapisnaya» (1687), Golovin's edition (1689) and Naryshkin's edition (1694). The subject is human commonness reflected in the Siberian chronicle of XVII century. The article objective is to define the significance of daily routine component in the Siberian chronicle's narration. Systematizing main daily human practices reflecting Siberian life details and realities allows viewing a person in the «spirit of the age» context, defining forms of the historical-cultural community existence in the 17th century. Household news in the Siberian chronicle can constitute an independent chronicle story or be interspersed with an official message.

«Kniga zapisnaya» is of the greatest interest concerning persons' everyday life: a story of the governor's absurd death in Nizhny Tagil, reports on deaths of some individuals, fortunes and misfortunes in trading and geological investigations, etc., which reflect a whole world of various daily routines at vast areas. A separate section consists of events that occurred in Siberia for the first time, such as advent of boyars, appointment of archpriests, sanctifying Siberian archimandrites with white monkshoods, opening taverns, introduction of copper money, investigating corruption. Curious and usually dramatic are stories about fires, fates of some governors and their families, exiles, human conflicts. These articles, in terms of everyday life's chronicles, are interesting because of routine's details, dramatic narration reflecting the author's personality and his empathy with tragic events. Golovin's edition is of the most interest because of stories about building activity in Siberia: restoration of burned temples, building prisons and bridges, and relationships between local population and China. Conflicts with Bashkirs and Kirghizs, plunder and ravage at Siberian borders are full of different vivid details of people's life. In Naryshkin's edition a lot of information is curtailed, motives of daily routine are reduced, the focus is on official reports on governance in Siberia. This trend continues in the XVIII century edition (Schlözer's and Academic ones). The textual analysis allows determining features of chroniclers' work in the late XVII century.

Key words: Siberian chronicle, everyday life, governors, towns and burghs, historic reality, edition, tidings, textology.

Людмила Ивановна Журова – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: zhurova@ngs.ru.
Ludmila I. Zhurova – Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of History SB RAS.

В истории летописания Сибирский летописный свод (далее: СЛС) [1, с. 138–379] – самый крупный памятник книжной культуры конца XVII в. и важный источник по истории Сибири. Известны три редакции, составленные в течение нескольких лет: «Книга записная» (1687 г.), Головинская редакция (1689 г.), Нарышкинская редакция (1694 г.) [2, с. 19–104].

«Книга записная» (далее: КЗ) – самая ранняя редакция Сибирского летописного свода, в истории составления которой, как отметила Н.А. Дворецкая, много неясного [2, с. 19]. Особенности КЗ: включение московских известий, использование документов приказной палаты и митрополичьего двора, многочисленных сообщений о тобольских событиях [2, с. 28].

Н.А. Дворецкая, основной исследователь СЛС, пришла к выводам, что составитель «Книги записной» мог использовать в качестве источника недошедшую летопись 70-х гг. XVII в. сибирского митрополита Корнилия, что интенсивная летописная работа велась в приказной палате Тобольска, что основная тенденция в развитии повествования СЛС – это сокращение статей, стабилизация и стандартизация текста [1, с. 19–30; 2, с. 115–117]. Исследователем был поставлен вопрос об особенностях летописной работы XVII в. в Тобольске, о выявлении личностей, способных «не только составлять погодную летопись, но и работать над изменением стиля летописной повести» [2, с. 72].

Построенный на систематизированных сведениях об административном управлении, дипломатических миссиях, росписи воевод, дьяков, подьячих СЛС в первую очередь воспринимается как сочинение деловой письменности, облеченное в летописную форму. Но вкрапление жизненных реалий создает событийную историю осваиваемой сибирской земли. Изложение по годам – ведущий принцип повествования. Основные формы подачи материала – сведение и известие. К сведениям как отдельной статье отнесем росписи воевод, распределенные по сибирским городам и острогам. Они фактографичны, документальны, констатируют административное положение дел на местах, отражают политику государственной власти и занимают большое пространство летописи. Сведения о воеводах в городах Сибири построены по одной модели: вступительная формула – «В тех же годех Тобольскаго розряду в городех и в острогах воеводы» – открывает поименование лиц на местах: «На Верхотурье... На Пельме... В Туринском остроге... На Тюмене... На Таре...» и т.д. Информативный характер таких статей служит неопределимым историческим источником. Частотность росписей и обилие имен свидетельствуют об интенсивном процессе в ходе решений кадровых вопросов в Сибири.

Известие событийно, его изложение повествовательно, содержанием служат разнообразные материалы. Так, круг сведений о воеводах Тобольска расширяется за счет рассказов об их приезде, смерти, перемене. Важную линию в изложении истории Сибири составляют сообщения о пришествии митрополитов.

Задача настоящей статьи – определить роль повседневно-бытовой составляющей в воссоздании летописной истории Сибири. Систематизация основных повседневных практик сибиряков, отражающих их бытовые детали в историко-культурном процессе и реалии жизни, позволит увидеть человека в контексте «духа времени» и определить формы быта историко-культурной общности в XVII в.

События бытового характера могут составлять самостоятельный летописный сюжет или могут быть вкрапленными в официальное известие. Так, специфичны рассказы о многочисленных пожарах, бывших в сибирских городах и селах. Статьи о них, с точки зрения летописной истории повседневности, интересны бытовыми деталями, драматизмом повествования, в котором проявилась личность повествователя, его сопереживание трагическим событиям. Пожары (стихийный пожар, раскольническая «гарь», поджоги) различаются масштабами. Большие («велии») пожары, как правило, представляют катастрофическую картину разорения города и требуют обширного (по летописным меркам) описания. Гибель церквей от огня – особый тип краткого летописного рассказа. Известия о самосожжениях раскольников – самые драматичные моменты летописного повествования. Сибирские книжники, которых можно назвать, расширяя ареал значимости слов А.М. Панченко, «литературной интеллигенцией XVII в.» [3, с. 47], разрабатывали нестандартные и разнообразные приемы летописного изложения в новых историко-культурных условиях.

Как правило, рассказы о пожарах начинаются с детальной датировки события: год, число, время суток (день/ночь, утро/вечер), час. Эти факты, несомненно, свидетельствуют о достоверности источников, документальности изложения. Указывается причина пожара: молния, поджог, от свечи, самосожжения. Основную часть рассказов занимает перечень сгоревших объектов, причем летописцы всегда замечали, что горели не только дворы русских, но и татарские юрты, погибали хлеб и другие запасы мирских. Такова структурная модель «пожарной» статьи в СЛС. Она сложнее и разнообразнее аналогичных известий, например, в «Новом летописце» – памятнике официального московского летописания второй четверти XVII в. Анализ сибирского материала (это рассказы о больших пожарах 1643, 1677, 1680 и 1687 гг.) позволил установить особенности строения и стилистики повествования о стихийных бедствиях в редакциях СЛС [4].

Наибольшим интересом к повседневной жизни сибиряков отличается КЗ. Так, в статье о воеводе Верхотурского города Рюме Языкове (1600 г.) примечателен своей исключительностью эпизод о его смерти от «большого кота»: «И был у того воеводы с собою привезен казанской кот большей. И все де ево подле себя держал Рюма. И тот кот спящему ему горло пряде и до смерти заяде в том городке» [1, с. 141]. Под «большим котом», видимо, следует понимать дикого зверя кошачьей породы, возможно, рысь. Летописца эта история привлекла своей неординарностью,

и читателя она должна поразить драматизмом и нелепостью происшедшего.

Темой нескольких статей стали торговые дела сибиряков. Неудачу похода за солью (1601 г.) письменно-го головы Алексея Поленова к «Ямышу озеру» летописец объясняет тем, что тот не знал обычаев калмыков, «а за гордость у сибирцов не спросался, и многих татар побил, а соли не взял, со стыдом возвратился» [1, с. 141]. Наряду с констатацией свершившегося факта повествователь осудил поступок чиновника и дал ему нелестную оценку («со стыдом возвратился»).

Из-за непогоды сорвалась соляная экспедиция на Ямыш тюменского стрелецкого головы Михаила Петрова, который снарядил 30 дощаников, торговый и войсковой караван: «И того дни [25 июня 7184/1676 г.] их погодою от берегу не отпустило, и сопцы у судов ломало, и стрельбы за погодою не было. И ночевали под монастырем» [1, с. 169].

Под 7193/1685 г. в КЗ помещено известие о том, как 24 июня на то же озеро Ямыш «войсковым караваном» дворянин тоболянин Федор Шульгин отправился с двумя подьячими на 30 дощаниках. Вернулись в Тобольск на следующий год 17 октября с товаром: «Соль взят полный груз», но с огорчением звучит рассказ летописца: «а торг был скудный камытской, многие и тюков не розвязывали» [1, с. 175]. А в 1687 г. уже другие люди привезли от Ямышева озера товар, и очевидцы «сказывают, что соль села самая добрая, и взят груз полной, и торг был самый большой» [1, с. 177]. Заметим, что эти события опущены в Головинской (далее: ГР) и Нарышкинской (далее: НР) редакциях. Примечательно, что известием о закрытии соляного промысла на Ямыше заканчивается НР: «В 707 году прислана с Москвы в Тоболеск великого государя грамота, къ Ямышу озеру по соль дощениками ходить не велено» [1, с. 293].

Рассказы о землепроходцах и рудознатцах в КЗ интересны своей событийностью и вниманием к личности. Так, московским воеводой Яковом Игнатьевичем Хрипуновым, искавшим в Сибири серебро, в 1620 г. была разведана Якутская земля, великая река Лена и Байкал. «А многие тамошние земли проведаль Ерофей Хабаров, промышленной человек» [1, с. 147]. Всех этих известий уже нет в ГР и НР.

Рассказ о поисках серебряной руды – самый полный в КЗ, тогда как в ГР и НР сообщено, что в 1672 г. из Москвы был послан в Сибирь думный дворянин Яков Тимофеевич Хитрово с сыном и товарищами, были с ними немцы для розыска серебряной руды на Уральских горах. К ним были приписаны ратные люди, пашенные крестьяне из Тобольска и других сибирских городов. Построен город на реке Тайма. Поисковые работы велись два года, но «ничего серебряной руды не сыскалось» [1, с. 208–209]. По государеву указу Хитрово велено возвращаться в Москву, а город сжечь. В КЗ сохранились любопытные детали. Так, сказано, что накануне, т.е. в 1671 г., уже были посланы русские рудознатцы с немцами, они ничего не нашли, возвращались в Москву, но Хитрово

их вернул. Описано богатое снаряжение экспедиции думного дворянина, разнообразное оружие, большая казна. Для строительства города были мобилизованы крестьяне с подводами. Руду искали по Тоболу, на Красном Яру, в Томском уезде. С сокрушением заканчивает летописец рассказ: «Ничего не найдено, а государеве казне великая и неизглаголанная тщета и гибель учинилась от подъемов и подмогов, и всякими заводы, денежным и хлебным жалованьем» [1, с. 165]. В этих документальных свидетельствах звучит сочувствие неудачам первых сибирских геологов.

Успехом завершилась другая экспедиция. В ГР под 1689–1690 г. сообщается, что в Тобольском уезде добыли слюды «353 пуда с полупудом и послана к Москве ноября в 26 день... цена положена на Москве по десяти рублей за пуд и продают из Сибирского приказа с наддачею» [1, с. 229]. В этой деловой записи слышится нота морального удовлетворения.

В СЛС следует выделить ряд статей, отметивших события, которые впервые произошли в Сибири. Так, КЗ отмечает первое появление бояр в 7124/1616 г. (Иван Семенович Куракин, Григорий Иванович Гагарин), «а прежде того в Сибири бояр в Тобольску не было», заметил летописец [1, с. 145]. ГР и НР такой детали не содержат.

Еще одно новшество в жизни сибиряков – появление первых кружечных дворов. О нем речь идет в ГР и НР. Так, в ГР сообщается: «Во 125 (1617) году в Сибире, в Тоболску, почали быть кружешные дворы, а до тех мест кружешных дворов в Сибири не было». Летописец сокрушается о пришедшей беде: «И многие люди испропились, иные и дворы свои испропили» [1, с. 193]. В НР это известие имеет иной вид: «При сих воеводах со 125 году (1617 г.) в Сибири, в Тоболску, первое почали быть кружечные дворы и в продаже государское горячее вино» [1, с. 261]. Воеводами за год до этого были поставлены князь И.С. Куракин и князь Г.И. Гагарин. В этих строках летописи прочитывается косвенное обвинение администрации.

Д. В. Раевым сделан вывод о невозможности восстановить раннюю историю сибирских питейных заведений из-за отсутствия документов, но «можно сказать, однако, что кабаки стали появляться на территории Сибири после 1620-х гг. и продолжалось это до 1660 г.» [5, с. 125]. Исследователь пишет о том, что кружечные дворы сменили кабаки после собора 1652 г. [5, с. 4]. Но СЛС свидетельствует как раз о первых кружечных дворах, появившихся в 20-е гг. Может быть, летописцы в конце XVII в. не различали эти два вида алкогольных предприятий: кабаки и кружечные дворы.

Некоторые новые явления в повседневной жизни сибиряков зафиксированы в ГР и НР (в КЗ их нет). Например, первое посвящение белыми клобуками сибирских архимандритов. Так, в 7160/1652 г. архиепископ сибирский Симеон «пожаловал белою шапкою Тобольскаго Знаменскаго монастыря архимандрита Иосифа... а до того, уточнил летописец, архимандриты... были без белых шапок» [1, с. 202]. В 7187/1679 г. белой шапкой был освящен архимандрит Матвей в Енисейске

[1, с. 275], причем в ГР приведена точная дата: «май в 13 день», указано, что «рукоположением преосвященного Павла, митрополита сибирского и тобольского поставлен в Енисейск в Спасов монастырь архимандрит Матвей», снова замечено, что «до того в Енисейску архимандриты были без белых шапок» [1, с. 215]. Автор, вероятно, использовал разговорный вариант для названия облачения монаха – «белая шапка»¹. Редактор НР акцентировал тот момент, что такой порядок будет впредь [1, с. 268]. Вторая новость касалась утверждения протопопов в монастырях Тобольска, Томска, Тюмени, Енисейска, Верхотурья, «а до того в тех местах протопопов не было» [1, с. 202], указал составитель ГР, такой детали нет в статьях НР.

Интересно сведение о появлении в Сибири медных денег. ГР сообщает: «Того же в 167-го году (1659) прислана в Сибири государева казна медные деньги, преж на Тюмень, а в Тоболск привезли того же году и понизовые города. И торговали в Сибири медными денгами четыре годы по 171-й год по июль месяц по 1 число. А с того числа закликано медными денгами торговать в Москве и во всей Росии, и Сибири. И почали торговать по-прежнему серебряными денгами со 172 (1664) году октября з 26 числа» [1, с. 205]. В НР не приведена информация о возврате к серебряным денгам в 1664 г.

По статьям СЛС можно проследить биографические события из жизни некоторых личностей. В КЗ (в ГР и НР этого рассказа нет) любопытен сюжет о драматическом случае, произошедшем с князем Дмитрием² Михайловичем Алачевым в 1643 г.: «он в своей вотчине в Коде стрелял из пищали по птице и погрешил: угодил на церкви Соловецких чудотворцов по кресту». Присланные из Софийского собора священники провели дознание, привезли поврежденный крест в Тобольск, и он «в паперти у Похвалы Богородицы на сених свидетельствован. И пулешные язвы знать, и ножом вырезываны пульки». Несчастный князь Димитрий повинился, что «не нарочным делом, а стрелял по птице, на кресте сидящей, и погрешил...» [1, с. 153–154]. Его дальнейшая судьба незавидна. Сам князь, его мать и сестра были «по сыску опорочены, и за то взяты из Коды в Тоболск», князь «в подначальстве» провел шесть недель на святительском дворе и год в Знаменском монастыре, мать и сестра – в Девичьем монастыре. «А сестра ево, девица и скончалась в Тоболску с того сраму», сопровождает составитель КЗ свой рассказ психологическим пояснением поступка девушки. Князь, прожив два года в Тобольске, по государеву указу был отпущен в Москву вместе с матерью, женой и «всеми людьми». Уточнение: «И подводы ему были даны полные. Поехал на вечное житие» – отражает уважительное отношение к князю. В Сибири он больше не был, его вотчина Кода описа-

на, а служил Д.А. Алачев стольником у великого государя и скончался в Москве, сообщает летописец. Интерес к судьбе незадачливого человека в контексте деловой информации летописного свода, безусловно, выделяет авторское повествование и привлекает внимание читателя. Примечательно, что составитель КЗ, как правило, дописывает жизненную историю людей, покинувших Сибирь.

Другим примером биографического повествования может служить рассказ о Михаиле Приклонском. Преданный анафеме митрополитом сибирским и тобольским Павлом «за презорство и гордость, и за неистовое его житие, и блудодеяние, и за непристойные и поносные речи» стольник Михайло был отправлен в Москву в 7190/1682 г. К сожалению, летописец не конкретизирует содержание его проступков, которые могли бы раскрыть «жизненный мир» героя, но отмечает: «у руки великих государей не бывал, ни благословения святейшего патриарха не получил» [1, с. 172]. Бывший стольник принял постриг, посхимился, но умер непрощенным. В таком заключении прозвучал «приговор» летописца.

Детали бытовой жизни сибирских воевод проскальзывают сквозь официальные сведения об административном управлении. Так, в 1643 г. стольник государев Иван Петрович Пронский приезжал из Москвы в Тобольск проведать отца, князя Петра Ивановича, мачеху и сестру. «И с ним отпустил князь Петр Пронский княгиню свою и дочь свою княжну» [1, с. 153]. Семейные отношения связывали сибиряков со столицей: «Во 182 году (1674) марта в 22 день приезжал в Тоболск от великого государя его государев столник Федор Петрович Салтыков, болшей сын, ко отцу своему боярину Петру Михайловичу Салтыкову, отпущен повидаться, навестить. Жил у отца своего две недели» [1, с. 166]. На следующий год приезжал средний сын, Алексей Петрович Салтыков, тоже стольник, с той же целью: повидаться и навестить родных. Летописец отмечает, что приезжали в Тобольск «на поклон и повидаться» с близкими из сибирских городов [1, с. 168], т.е. семейные отношения были не менее важным событием, чем государственные дела.

Составитель КЗ зафиксировал множество смертей сибирских воевод и их родственников, архиереев и митрополитов, сопровождая сведения пояснениями бытового характера. Сын умершего зимой 1616 г. Г.И. Гагарина Данил Григорьевич, поставленный на воеводство в Нарым, не поехал на место своего назначения, летописец объяснил причину: «за отчею смертию» [1, с. 145]. Князь Иван Иванович Лобанов-Ростовский, поставленный на воеводство в Томск, не доехав, умер по дороге в Нарымском остроге [1, с. 152]. Раф Всеволодский после верхотурского воеводства приехал в Тюмень и вскоре умер, а государев указ о назначении его пришел после смерти, отметил летописец [1, с. 158].

Подробно описана кончина сибирского митрополита Павла в 7199/1691 г. от «скоропостижной болезни»: «И в то злое время и час язык и правая рука и нога

¹ В известии 7176/1668 г. указано, что «митрополиту [Корнилию] на Москве на поставлении дан... белый клубок» (КЗ, 1, с. 164; ГР, с. 207).

² В издании «Федор», с. 153.

заболели, и памяти не стало, и бысть от того языком гугнив». Умер он по дороге в Москву, «не доехав Соли Камской на Верхотурском волоку, зовомо на Чикмане» [1, с. 230].

Среди известий КЗ (в ГР и НР их нет) выделяют сюжеты о судьбе лиц, попавших в опалу и потому приехавших в ссылку. В 7154/1646 г. государев стольник князь Иван Никитич Хованский был в ссылке в Сибири «со всем домом своим». Летописец описал путь его скитаний: из Тобольска он был отправлен в Енисейский острог, из Енисейска через два года перевезен в Тобольск, оттуда в Пельым. Но не доехав до места, сообщает летописец, получил государеву грамоту о возвращении в Москву. Составитель КЗ дописал его биографию: князь был пожалован в бояре, усмирил Псков в 7158/1650 г., поставлен на воеводство, ходил на Соловки к мощам митрополита Филиппа и умер в Казани от морового поветрия в 7163/1655 г. [1, с. 155].

В 7155/1647 г. в Томске, где на воеводстве сидел князь Иосиф Иванович Щербатый, в ссылке был Подрез Плещеев. Он восстановил против воеводы народ, и город князю в воеводстве отказал. Начались судебные разбирательства («в подсуздество дались»). Но Илья Бунаков, который «розряд чинил», бит кнутом, и «томские дети боярские и пятидесятники...», все, кто отказал Иосифу, были биты и отправлены в ссылку. Подрез Поздеев сослан в Кузнецкий острог, но и там «замутил, и был сослан в Енисейский острог. А во все ссылки сослан в тюрьму. И в Енисейском ево мужик от жены зарезал, ту и скончался» [1, с. 156], заканчивает летописец рассказ о бунтаре.

Под 7168/1660 г. сообщается, что в Томск был вывезен князь Дмитрий Васильевич Ромодановский, но в дороге его достигла государева грамота «быть на Березове». Здесь он пробыл недолго, сообщает летописец, и был «свезен» на Соловки [1, с. 160]. Другой ссыльный, сын воеводы Илимского острога Тихона Вындымского – Вавила, в 7171/1663 г. был прислан в ссылку из Москвы в Тобольск. О причинах не говорится ничего, но отмечено, что он женился «у немчина полковника» [1, с. 161].

Недолгой была опала братьев Ельчаниновых, Тихона и Авраамия. Прибывшие в Тобольск в январе 7184/1676 г., в марте по указу государя они были отпущены к Москве [1, с. 168].

Внутренние конфликты, размолвки среди сибирских чиновников породили ряд сюжетов КЗ. Так, в 7176/1668 г. «учинился раздор» между тобольским воеводой Петром Ивановичем Годуновым и князем Федором Федоровичем Бельским. Они оба писали жалобы друг на друга великому московскому государю. Царь велел Федору Бельскому ехать к Москве. Стольник Петр Годунов не мог послушаться государева указа и выслал «товарища своего», но пакость совершил: «дал ему один дощаничишко, некорыстной и утлой, а снастей и паруса, и бечевы ничево не дал, ни единой сажени, и от берегу велел отбить, и он пошел с великою нуждою своими людьми» [1, с. 163]. Через два года в Тобольск прибыл Андрей Павлович Акинфов,

которому было поручено «сыскивать» про раздор сибирских воевод. И уже через три дня П.И. Годунов был выслан к Москве, и летописец отметил: «отбит от берега, поехал на своих подводах» [1, с. 164].

Таким образом, интерес к человеку отличает КЗ от редакций ГР и НР, в которых известий о судьбах людей, ссыльных, строителях, первопроходцах уже нет.

В КЗ подробно описано крестоцелование по случаю венчания на царство Алексея Михайловича в 1645 г. Этот сюжет, вероятно, указывает на источник информации – Тобольский архиерейский дом. Описывая праздничный стол, устроенный архиепископом Герасимом по этому поводу, летописец отметил такую бытовую деталь: торжества проходили в Знаменском монастыре, «понеже святитель тут еще жил с пожарного времени» (с. 155) (в большом пожаре 1645 г. сгорели в Тобольске приказ, церкви, святительский двор, воеводский и гостинный дворы, острог, мирские дворы на горе). В ГР и НР это ритуальное действо, крестоцелование, передано кратко: «А в Сибирь, в Тоболеск, приезжал приводить к крестному целованию воевод и весь народ... столник князь Иван Григорьевич Ромодановский... в 154-м году ноября в 7 день» [1, с. 201, с. 267].

В ГР и НР обращают на себя внимание такие рассказы, как строительство храмов. Они представляют особый тип сюжета, тогда как в КЗ таких сведений практически нет. Летописная статья о храме, как правило, содержит дату события и три этапа в ее создании: церковь заложена, «совершена», т.е. построена, освящена. Многие церкви восстанавливались после пожаров, и летописец отмечает, как правило: «на прежнем месте» (церковь во имя Входа в Иерусалим, во имя Сергия Радонежского). Ряд церквей, погибших в бедствии 1680 г., был уже заложен в следующем году (Богоявления, Вознесения, Живоначальной Троицы).

В ГР насчитывается 12 известий о построении церквей в Тобольске, в – НР только два. Эти два свидетельства связаны с историей главного храма Тобольска – Софийского собора, который не раз страдал от сильных пожаров и каждый раз восстанавливался. Отбор фактографического материала НР позволяет определить замысел ее составителя как усиление официоза в сибирском летописании. Именование «собор святой Софии – Премудрости Божией» сменило название Троицкой церкви во время пребывания в Тобольске первого сибирского архиепископа Киприана (1621–1624 гг.) – уроженца Новгородской епархии. При нем тобольский храм был переименован в подражание Новгородскому собору, а история основания Троицкой церкви не известна.

Множество сообщений о церквях в ГР может указывать на связь летописца с Тобольским архиерейским домом. В 7154/1646 г., сообщает ГР, «заложена в Тоболску соборная церковь Софии Премудрости. А совершена и освящена бысть преосвященным Герасимом, архиепископом сибирским и тобольским. А церковь построена о тринадцати главах» [1, с. 201]. В НР приведена новая деталь: «А после пожарного

разорения построена в Тобольску...», – отсылающая к большому пожару 7151/1643 г.: «Лета 7151-го году августа против 15 числа в ночи в 3 часа в Тобольску бысть пожар большой. Згорел город и соборная, и приходские церкви, и святительский двор, и воеводские и гостиный дворы, и тюремный двор, и посад на горе по Девичь монастырь» [1, с. 201]. Напоминание о пожаре в НР связывает событийный ряд. Здесь же редактор отдельно выделяет даты заложения и построения: «Заложения в 154-м году мая в 24 день, а совершена и освящена бысть в 157-м году...» [1, с. 267]. Он отмечает, что церковь была деревянная. Дополнения в НР появились на стадии редактирования летописного повествования, документальность, хронологичность отражают характер работы книжников приказной палаты.

Следующее известие НР о строительстве соборной церкви относится к 7189/1681 г. И этому событию тоже предшествует пожар (1680 г.), когда сгорели Вознесенская церковь, приказная палата, боярский двор, церковь Живоначальной Троицы, «да под горой в анбарах погорело хлеба и иных запасов много» [1, с. 276]. И уже на следующий год, сообщают летописцы, «июля в 3 день в Сибири, в Тобольску, почали ров копать, где бысть соборной апостольской церкви каменной» [1, с. 216, с. 276]. Строительство каменной церкви постигла неудача, через два года начали возводить храм: «и склали церкви верх шеи немного до главы. И во 192 году июня 17 день паде у церкви столбы и обломилась своды, и верх весь паде внутрь церкви» [1, с. 216], сообщает ГР. В НР указана причина этого драматического события: падение произошло, «понеже столпы тонкости ради не удержаша великия тягости». Трагедии удалось избежать, отмечает редактор НР, из-за того, что «паде церковь в ночное время, а людей Бог милостию сохранил» [1, с. 276].

Заботой о храмах прославился митрополит Корнилий. Так, по его инициативе происходило возведение церкви Живоначальной Троицы в 7182/1674 г. на святительском дворе, и архипастырь ее «всякими церковными утварми украсил». Кроме того, летописец отметил, что «к той церкви доспета брусная трапеза шти сажень» [1, с. 209].

Под одним и тем же 7194/1686 г. в КЗ и ГР помещены разные известия на тему церквей. В КЗ читаем: «октября в 27 день, во вторник, великий господин преосвященный Павел, митрополит сибирский и тобольский, освятил в Тобольску соборную и апостольскую церковь своего строения каменную Успения...» [1, с. 175]. И далее сообщается о перенесении мощей «прежних архиереев» – Корнилия, Макария, Герасима. В ГР речь идет о заложении «на прежнем месте» церкви во имя Владимирской Богородицы, сгоревшей в пожаре. В НР ни того, ни другого известия уже нет, что свидетельствует о редуцировании церковной темы в летописце, составленном светскими книжниками.

Поставление острогов стало еще одной сквозной темой сибирского летописания, и статьи об этих событиях носят преимущественно деловой характер.

Примечательно, что в КЗ таких известий нет. В ГР и НР, как правило, указываются время, место, имена участников строительства. Например, в ГР в канцелярском стиле сообщено, как в 7125/1617 г. при воеводе И.С. Куракине основан новый Кузнецкий острог вверх по р. Томь, в устье р. Бразы. Летописец информирует, что «ставлен острог по томским воеводским отпискам по посылке из Тобольска тюменских и верхотурских служилых людей и татар. А с теми людьми ставили острог томские: тотарский голова Осип Кокорев да казначей голова Молчан Лавров, да сын боярской Остафей Михалевской. И посланы в тот острог ис Томского приказные люди» [1, с. 194]. В НР указано, что боярские дети были посланы в острог еще до прибытия московских воевод [1, с. 261].

Известие об основании острогов может быть кратким, но может содержать ряд любопытных деталей. Например, «того же 169-го году (1661) поставили в Тобольску на горе новый острог кругом всего посаду» [1, с. 205]; «того же 185-го (1677) году июня в 2 день в Тобольску начали острог ставить по городской стене, где стоял рубленой город, и поставили в 5 дней» [1, с. 212]. Последнего известия в НР нет. Уточнение места и времени строительства отражает локальный характер повествования.

Создание армии в Сибири – значимое событие в истории региона. Статья носит официальный характер, в ГР и НР отмечено, что по указу великого государя в 7169/1661 г. присланы из Москвы в Тобольск русские и немцы, «полковники и полуполковники, и маеры, и ротмистры, и поручики» [1, с. 205]. Им было велено собрать и обучить военному делу солдат, стрельцов из всех сибирских городов. И попали в солдаты конные и пешие казаки, дети боярские, и «из гулящих людей иманы и учены строителю. И прибрано было рейтар и салдат 1800 человек» [1, с. 205]. Сибирская армия воевала на Синаре реке с башкирцами до 1667 г.

В 1682 г. был предпринят поход на киргизов, которые изменили государю. В степь с «ратными людьми», сообщает ГР, отправился Иван Федорович Суворов – тобольский голова, поставленный на томское воеводство в 7190/1682 г. В боях, длившихся с 9 мая по 7 июля, «тобольских и иных городов служилых людей было побито и поранено человек со сто» (с. 216). Победенный киргизский князь Ереняк прислал ясак, «бобра да сто соболей», переданный государю в Москву. На следующий год была прислана грамота: «А про ссору, отчего кыргызы изменили, велено... сыскать». Киргизский князь покорился, признал свою вину и прислал «ясак и аманатов – от добрых людей, а от себя челобитчиков о своих винах» [1, с. 216]. В НР этот рассказ передан в сугубо деловом стиле [1, с. 276].

В 1684 г. велено было собрать войско из пеших казаков и казачьих детей и послать на службу в Дауры. В 1686 г. воевода Алексей Петрович Головин получил грамоту от царя, чтобы сыскать в сибирских городах ратных людей и отдать их в полк к сыну Федору Алексеевичу Головину, который в этом же году прибыл в Тобольск. С ним пришли из Москвы 500 московских

стрельцов. Примечателен наказ: если будут собраны люди старые и дряхлые, то будет воеводам от царя опала [1, с. 221].

Привоз колоколов в Тобольск стал важным городским событием. Так, в 7188/1680 г. были доставлены из Москвы «к соборной церкви три колокола больших» [1, с. 215]. Через четыре года был еще привезен «колокол большой в триста пуд» [1, с. 220]. В НР добавлено: «А на Москве лит во 190 году по благословению великого господина преосвященного Павла, митрополита сибирского и тобольского, на домовые казенные денги» [1, с. 279].

Целая серия известий СЛС связана с установлением отношений с Китаем. Заметим, их состав не совпадает в редакциях. Первое сообщение относится к 7160/1652 г., оно читается только в КЗ. Летописец свидетельствует, что тобольский боярин Петр Андреевич Ярыжкин со служилыми людьми по государеву указу был первым посланником в Китайское царство, при этом, отметил повествователь, они привезли серебро и камня [1, с. 157], что свидетельствует об успешности посольской деятельности. О самой дипломатической миссии ничего не сказано. Второе посольство в Китай состоялось в 1654 г., это уже был московский посол Федор Исакович Байков. Составитель КЗ описывает, как он добирался калмыцкими степями, зимовал, был отправлен с официальными бумагами и государевой большой казной: «а казны государевой пришло с ним, Федором, с Москвы денгами и товары всякими на китайский обиход на сорок тысяч рублей» [1, с. 159]. Из Китая боярин возвращался через Тобольск в 1657 г., поэтому тобольский летописец сообщает подробности: «А в Китаях царя не видел и листа не отдал, и посольства не было большева, только бояре китайские к нему на посольский двор приезжали, и с ними был ответ. А стреча ему вельма честна была в Китайском, и корм посольской с царева двора учинен был большей наперво, а последи, как не стало посольство, и то все отнято. И жили за караулом, не выпусканы на дворе и высланы вон из Китайского назад просто. А к Москве приехал в 166-м году (1658 г.)» [1, с. 159]. В том же году был послан в Китай «тарской сын боярский Иван Перфирьев с служилыми людьми», при этом летописцем сделана оптимистическая ремарка: «И быв выехал здорово» [1, с. 161].

Об успехе русского посольства в Китай КЗ под 7178/1670 г. сообщает довольно подробно. Китайский царь прислал в Даурию приглашение посетить его страну. Воевода Данило Аршанский отправил своих служилых людей. Прием был достойный: «И они в Китайском были, и царя видели, и корм, и честь, и дары были от царя им, и лист с ними к великому государю к Москве послал, и отпустил тем же путем». Летописец перечислил царские дары Данилу Аршанскому: «седло, оправное серебром, со всею збруею и иные подарки» [1, с. 167], что свидетельствует о высокой чести, оказанной даурскому чиновнику. Примечательно, что рассказ сопровождается сообщением о пути в Китай Николая Спафария. Этих известий нет в ГР и НР.

В ГР с 1684 г. начинается описание нового этапа отношений с Китаем. События свидетельствуют об осложнении политических связей двух государств. Любопытен эпизод о возвращении из плена двух человек в 7192/1684 г., которые годом ранее вместе с другими шестьдесятю русскими служилыми людьми были «взяты из Даур» и посажены в Китае в крепостные тюрьмы. Посланники везли московскому государю «лист» от китайского царя, «а тот лист запечатан в ящике» [1, с. 220], уточняет составитель ГР. Из Тобольска бывшие пленники были тут же отправлены в Москва. В НР формулировка этой статьи более четкие и точные: сказано, что они ехали мимо Тобольска из Даурских острогов, что русские люди «были в Китайском государстве в великих крепях за караулы». Названы имена: «Мишка да Ивашко ис Китайского государства отпущены в Даурские остроги, в Албазин, с товарищи с подзывным листом». И примечательна деталь: «А тот лист писан руским писмом рукою изменника Ивашка Роспутина» [1, с. 279].

В следующем 1685 г. снова к Албазинскому острогу пришли китайские люди с войною, «острог разорили до основания и выжгли. А Алексея Толбузина [воеводу] и служилых людей в полон взяли и водили с собою многие дни. И отпустили Алексея и служилых людей», сообщает ГР [1, с. 221]. Рассказ в НР содержит ряд новых деталей этой истории: «острог многолюдством из пушек разорили», полонили не только воеводу, но «и всех служилых людей з женами и з детми». Добавлено, что некоторых русских людей увели в Китай «по воли. А государскую казну увезли всю с собою же в царство Китайское» [1, с. 279]. Подробности НР говорят об использовании летописцем особых источников.

Разбой были и на других границах Сибири. Так, в 7198/1690 г. ГР рассказывает о разорении людьми Казачьей орды Тарханского острога. Сообщается, что в плен взяли двух русских, а тарханских татар убили человек 20, других жителей мужского и женского пола, лошадей и скот увезли с собой. Погоня, организованная из Тобольска и Тюмени, была безуспешной: «И были ратные люди в степи пять недель и три дни, и дойти тех воинских людей и сойтись не могли, и возвратились, и пришли восвояси», сокрушается летописец [1, с. 230].

В следующем, 7199/1691 году тобольского сына боярского Спиридона Рачковского с женой и детьми, а также многих казаков и крестьян с семьями во дворах сожгли и в полон увели человек 200 [1, с. 230]. В НР указано, что разбой учинили воинские люди Казачьей орды – «бессермены» [1, с. 285].

Сюжеты о разбойных нападениях продолжены в НР, тогда как ГР заканчивается смертью митрополита Павла, поставлением на архиерейский престол Игнатия в 7201/1693 г. и назначением на воеводство Алексея Михайловича Черкасского. Это последнее событие ГР датируется летосчислением от РХ – 1700 г. [1, с. 231].

НР под 7200/1692 г. сообщает, что те же «воинские люди Казачьей орды» снова разорили Утяцкую

слободу, «многих крестьян побили, а жен и детей в полон увезли. За ними гонялись сотник да сто человек беломестных казаков». В бою у Царева городища убиты сотник и 45 человек, погоня была продолжена тобольянином Федором Тутолминым «с товарищи», но «достичь воровских воинских людей не могли», заканчивает летописец печальный рассказ [1, с. 285]. Трагические, драматические события в основном определяют содержание статей СЛС.

Среди редких мажорных сюжетов СЛС выделяется рассказ о царском вознаграждении отца и сына Головиных. Тобольский воевода Алексей Петрович Головин получил грамоту великих государей «с милостивым словом и похвалою». Ее привез стольник Иван Исаевич Скрипицын с приятным поручением: спросить о здоровье тобольского воеводы и его боярскую службу похвалить. Но главной целью московского чиновника было передать в Даурах награду и «государское жалованье» Федору Алексеичу «за ево многие радательные службы». Золотая монета, отмечает летописец НР, была украшена изображениями царей и великих князей Ивана Алексеича и Петра Алексеича, с одной стороны, и Софьи Алексеичны – с другой, и надписью их имен и титулов. Жалованье и золотые деньги получили «товарищи» Головина, и «всем начальным людям и сибирским полком посланы золотые копейки и сукна» [1, с. 229]. Таким было щедрое поощрение государевых служащих за их верную и трудную службу.

Статьей о взятках и бесчинствах сибирских воевод практически заканчивается СЛС. Первое известие об этой русской беде датируется 7204/1696 г. В краткой статье ГР сообщается, что из Москвы по указу великого государя мимо Тобольска в «низовые города» ехал думный дьяк Данило Леонтьевич Полянский с дьяком Данилом Берестовым «для сысков всяких дел про воевод и всяких чинов градских людей и про воеводские взятки, а градских людей про винное курение и ясашных зборщиков, отчего чинится в ясашных зборах недоборы, и по отпискам воеводским и челобитья градских людей» [1, с. 231].

В НР расписаны места «сыска»: Сургут, Енисейск, Красноярск, Иркутск, Якутск. «И в тех розысках многим воеводам он, думной дьяк, указы чинил». Были задержаны и «животы в казну взяты» Иван и Матвей Гагарины (отец и сын), иркутский и нерчинский воеводы, а также Антон Савелов – нерчинский воевода. Летописец отметил такую деталь: был он бит кнутом и сослан в Якутск на казачью службу, красноярские воеводы «пытаны» и отправлены в Москву. «Красноярских градских людей многих пытали, в ссылку разослали» [1, с. 289]. Сыскное дело велось восемь лет, но не было завершено, а думный дьяк Данило Полянский был отозван в Москву в 1708 г. Продолжить процесс было поручено тобольскому дворянину Федору Тутолмину, который занимался розыском о взятках еще прежде Полянского.

Безусловно, анализ событийного ряда из повседневной жизни сибиряков, отраженной в СЛС, можно продолжить. Но уже проведенная систематизация известий о бытовых практиках людей, прибывавших за Урал по казенной надобности, позволяет представить человеческую обыденность в историческом контексте, увидеть и оценить складывающиеся формы «жизненного мира» историко-культурной общности в Сибири XVII в. Особенности летописной истории повседневности следует признать ограниченность состава социальной группы личностей (воеводы, архиереи, дьяки и другие государственные служащие), связанность бытового события, которое, как правило, имеет драматический характер, с историко-хронологическим изложением, реакции повествователя на обсуждаемые происшествия. Наибольшим интересом к человеку отличается «Книга записная». Головинская редакция богата известиями и фактами из церковной жизни. В Нарышкинской редакции усилена официальная интонация повествования, всегда летописец отмечает, что то или иное событие совершалось по «указу великого государя и святейшего патриарха», многие бытовые сцены опущены, мотивы обыденности ослаблены. В Шлёцеровской и Академической редакциях СЛС получили распространение версии Нарышкинской редакции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1987. Т. 36: Сибирские летописи, ч. 1: Группа Есиповской летописи. 382 с.
2. Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск: Наука, 1984. 136 с.
3. Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. 280 с.
4. Журова Л.И. Сибирский летописный свод: нарративный аспект // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.): материалы конф. Новосибирск, 2016. С. 16–21.
5. Раев Д.В. Кружечные дворы городов Западной Сибири (вторая половина XVII – начало XVIII в.). Новосибирск, 2005. 275 с.

REFERENCES

1. The complete collection of Russian chronicles. Vol. 36. Siberian chronicles, pt. 1. Esipov's chronicle group. Moscow, Nauka, 1987, 382 p. (In Russ.)
2. Dvoretzkaya N.A. Siberian chronicle (the second half of the XVII century). Novosibirsk: Nauka, 1984, 136 p. (In Russ.)
3. Panchenko A.M. Russian culture of poetry of the XVII century. Leningrad, 1973, 280 p. (In Russ.)
4. Zhurova L.I. Siberian chronicle: a narrative aspect. *Aziatskaya Rossiya: problemy sotsial'no-ekonomicheskogo, demograficheskogo i kul'turnogo razvitiya (XVII–XXI vv.): materialy konf.* Novosibirsk, 2016, pp. 16–21. (In Russ.)
5. Raev D.V. Taverns in towns of Western Siberia (the second half of XVII – early XVIII centuries). Novosibirsk, 2005, 275 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 20.05.2017